

Научная статья
УДК 81'276.6:34:39
doi: 10.17223/19986645/75/8

Неформальная оценка незаконного обмана как этнокультурная черта русского юридического лингвосознания в ретроспективе

Людмила Викторовна Попова

*Миасский филиал ФГБОУ ВО «Челябинский государственный университет»,
Миасс, Россия, mila_fil@mail.ru*

Аннотация. Рассмотрено проявление этноспецифичной категории неопределенности в истории русского юридического лингвосознания на материале нормативно-правовых актов. Выявлены семантически диффузные неформальные номинации понятия «незаконный обман» с морально-религиозной коннотацией. Констатирована связь законодательных текстов как продуктов юридического лингвосознания с этнокультурной системой ценностей: детерминация неправомерного поведения аморальными качествами личности.

Ключевые слова: этнокультурный концепт «обман», юридический термин, категория неопределенности, неформальная номинация, юридическое лингвосознание

Для цитирования: Попова Л.В. Неформальная оценка незаконного обмана как этнокультурная черта русского юридического лингвосознания в ретроспективе // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2022. № 75. С. 168–182. doi: 10.17223/19986645/75/8

Original article
doi: 10.17223/19986645/75/8

Informal evaluation of unlawful deception as an ethno-cultural feature of the Russian legal language consciousness: A diachronic analysis

Lyudmila V. Popova

*Miass Branch of Chelyabinsk State University, Miass, Russian Federation,
mila_fil@mail.ru*

Abstract. The article focuses on ethno-cultural patterns of the development of Russian legal language consciousness. The hypothesis about the comprehension of legal concepts through a prism of ethnical moral values by commonplace and official legal consciousness was tested. The uncertainty category, which is recognized as one of the key signs of Russian mentality, is chosen for verification of ethno-linguo-cultural specificity of the official legal consciousness. The research material was obtained from the basic legal acts, the validity period of which covers about four

centuries. Special attention is paid to the era of Europeanization of the state, during which the core of the legal language did not experience modernization, preserving ethno-cultural identity. The object of the study is informal nominations of the concept “unlawful deception”, which have a moral and religious connotation. In the research, a complex of linguistic methods was used: intent-analysis of the documents, contextual and valence analysis, definitional and component analysis, lingual and cognitive interpretation. Relationships of free variation and additionality between terminology and indirect nominations, as well as dominance of indirect nominations, have been revealed. Informal nomination, based on the uncertainty category, was characterized by a lack of direct connection to the concept “law” and was a traditional ethnic model of speech behavior. Semantic diffusion is related to the dialogue orientation of legislative documents within the framework of the ethno-cultural system of values and antivalues (truth/untruths, deception, lies, righteousness/unrighteousness, justice/injustice, good/evil, conscience, soul), according to which “lukavstvo”, “kovarstvo”, “dushevredstvo” are mutually agreed. The image of the subject of unlawful deception was modeled as an antipode to the standard of an honest person. The official cognitive structure “deception as an unlawful phenomenon” is not differentiated from the moral-religious cognitive structure “deception as an immoral phenomenon”. Ethno-culturally marked nominations reflect the tendency of the legal language consciousness to determine unlawful behavior by immoral qualities of the individual. The confirmed hypothesis allows correcting the concept of Russian legal nihilism. The results can be used in lexicographic, didactic and educational work, socio-cultural project activities.

Keywords: uncertainty category, unlawful deception, informal nomination, legal term, legal language consciousness, ethno-cultural concept “deception”

For citation: Popova, L.V. (2022) Informal evaluation of unlawful deception as an ethno-cultural feature of the Russian legal language consciousness: A diachronic analysis. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 75. pp. 168–182. (In Russian). doi: 10.17223/19986645/75/8

Введение

Одной из главных характеристик русской ментальности, проявленной в языке, считается осмысление мира как непредсказуемого, неструктурированного, нелогичного [1. С. 12; 2. С. 122]. Данная ментальная установка приводит к языковой неопределенности при характеристике частей мира [3. С. 793–873; 4. С. 409–422]. В лингвистических исследованиях по указанной проблеме обычно рассматриваются неофициальные сферы коммуникации, но категория неопределенности, по нашим сведениям, проявляется и в официальной сфере. Данный факт заслуживает особого внимания, поскольку позволяет прояснить соотношение обыденного и официального языкового сознания. Традиционной точкой зрения на это соотношение считается ментальная оппозиционность к государственной власти и устанавливаемой ей правовой системе. Фактически право выводится за рамки этнокультурной общности [5. С. 193], соответственно, изолированными считаются обыденное и официальное языковое правосознание: противоречие между народной моралью (ядерные концепты «правда», «справедли-

вость», «совесть») и государственной правовой системой («закон», «право») [6–9]. Следовательно, можно было бы считать русский юридический язык ментально «рафинированным», лишенным этнокультурных признаков, в том числе категории неопределенности, однако углубленное изучение его истории и современного состояния доказывает обратное.

Основным источником для изучения этнокультурной истории русского юридического языкового сознания должны служить продукты профессиональной речевой деятельности – памятники русского права, этнолингвокультурные особенности которых редко привлекают внимание лингвистов. Научно обоснованных сведений об этнокультурных закономерностях развития языкового правосознания явно недостаточно. Рассуждения и выводы представителей других гуманитарных наук (этнопсихологии, истории, правоведения) обычно не подтверждаются глубоким анализом правовых текстов или вообще лишены текстовых примеров, что снижает объективность, полноту, достоверность результатов. Так, например, известно мнение этнопсихолога о рубежности XVIII в. в окончательном разрыве ментальности и права, ориентированного на западные модели [5. С. 193]. Эта позиция находит подтверждение в историко-правовом исследовании, где одним из основных аргументов является заимствование европейской юридической лексики [10].

В ходе нашего предшествующего исследования отмечена малая доля заимствований (менее 7%) в терминологическом корпусе (около 1 000 выявленных терминов) русского права XVIII в. [11]. Заимствования были включены во все микротерминотерминологические системы права в разных пропорциях: 74% – «законность» (правовые акты, учреждения, мероприятия, должности), 17% – «юридическая ответственность» (наказания, субъекты юридической ответственности, карательные учреждения), 9% – «правонарушение» (противоправные деяния и их субъекты). К основным функциям заимствованных терминов мы отнесли номинацию новых реалий (*манифест, Сенат, коллегия Юстиции, полиция, полицмейстер, фискал, прокурор, адвокат, юрист* и др.) и дополнение, прежде всего дублирование, национальных терминов – признак языковой моды (*регламент – устав, Юстиция – правосудие, претензия – иск, сентенция – приговор, криминальный – преступный, аркибузировать – расстрелять*). Исследование убеждает, что попытки европеизации и формализации языка права не были последовательными и строго рациональными: намеренное соединение эквивалентных названий в одном контексте демонстрировало комплементарность и даже избыточность иноязычных терминов («Регламентъ, или Уставъ Главнаго Магистрата» 1721 г. [12. Т. 6. № 3708], «Краткое изображение Процессовъ или Судебныхъ тяжбъ» 1716 г. [12. Т. 5. № 3006]), часть таких терминов впоследствии вышла из употребления. В ряде случаев модернизация действительно способствовала унификации и стандартизации терминологии: *фальшивый* вместо *лживый*, *воровской*, *конфискация* вместо *разорение*, *лишение / отнятие имени*, *штраф* – *денежное наказание*. Однако на основании приведенной статистики понятно, что влияние заимствований на юридическое языко-

вое сознание не было глубоким, а в микротерминсистеме «правонарушение» вообще минимальным – здесь в основном поддерживались традиции номинации и концептуализации предшествующих эпох.

Лексический пласт правовых актов точнее всего отражает когнитивные и коммуникативные установки юридической языковой личности. Многочисленные примеры из правовых актов, собранные нами, не позволяют констатировать активность юридического языкового сознания в переосмыслении и переименовании старых понятий. На наш взгляд, о европеизации государства и права можно говорить скорее в формальном аспекте, в то время как официальное языковое правосознание и в XVIII в., и в последующие периоды сохраняло этнокультурную самобытность, степень которой постепенно ослабевала. Изучение компонентов национального лексического фонда в составе русского юридического языка имеет особое значение как для реконструкции исторических категорий официального языкового правосознания, так и для анализа его современного состояния.

Исследование и результаты

Гипотезой нашего исследования является предположение о том, что осмысление правовых понятий через призму этноментальных моральных ценностей было характерно не только для обыденного языкового правосознания, но и для официального языкового правосознания. Одним из основных признаков этнокультурной идентичности был тип номинации, основанный на оперировании категорией неопределенности. Речь идет о включении в семантическое поле права морально и религиозно коннотированных культурно-маркированных номинативных единиц для обозначения основополагающих правовых понятий. Неопределенность изучаемых номинаций выявляется при их сопоставлении со специальными юридическими терминами, относительно которых коннотированные элементы юридической речи выполняли комплементарную или компенсаторную функцию. Лексическая адаптация коннотированных единиц в профессиональной речи вела к семантической многослойности и некоторой диффузности соответствующих юридических понятий. В юридическом контексте такие номинации, очевидно, продолжали транслировать этнокультурную семантику, выступая ключевыми репрезентантами этнокультурных концептов. Ведущую роль в семантико-когнитивной сфере права играли этнокультурные концепты: «(не)правда», «(не)праведность», «(не)справедливость», «добро» / «зло», «совесть», «душа».

Выбор номинативных единиц с первичным моральным и религиозным значением в качестве терминообозначений правовых понятий свидетельствует о долговременной актуальности вербализуемых этнокультурных концептов, выступающих ориентирами при формировании юридических концептов. Период функционирования изученных нами правовых актов охватывает около четырех веков. Например, опирающееся на законодательство прошлых столетий Уложение 1649 г. применялось до выхода Со-

брация законов Российской империи (30-е гг. XIX в.), нормативно-правовые акты Петра I сохраняли юридическую силу до принятия уложений и уставов по уголовному и процессуальному праву (40–60-е гг. XIX в.). При этом в языке разновременных документов достаточно высока степень преемственности при номинации юридических понятий. Указанный тип номинации, таким образом, был устойчивым и характеризовал номинативно-коммуникативную деятельность создателей правовых актов как членов русского этноязыкового коллектива. По нашему мнению, изучаемый феномен свидетельствует о тесной связи письменной и устной форм юридической речи, а также о диалогической направленности текстов юридических документов. Учет фактора адресата выражался в ориентации на общий этнокультурный фон, необходимый для интерпретации правовых актов, однако предполагаемый коммуникативно-прагматический эффект (осознание, принятие нормы) мог быть ослаблен вследствие неконкретности номинации, приводящей к диффузности юридических понятий, определенности которых препятствовала эксплицитная связь с моральной и религиозной сферами.

Основным критерием отбора материала для исследования служило отсутствие или ослабление эксплицитной связи профессионально значимых номинативных средств с концептосферой «закон – право». Примеры регулярной реализации категории неопределенности находим в кругу косвенных номинаций концепта «правонарушение». Неформальные номинации функционировали при юридической квалификации неправомερных действий в гражданском, процессуальном, административном и уголовном праве. Предмет исследования – косвенные номинации понятия «незаконный обман». Методологическую базу исследования составляет комплекс традиционных и современных методов и приемов: интен-анализ документов, выборка номинативных средств из текстов документов, контекстологический и валентностный анализ, дефиниционно-компонентный анализ, лингвокогнитивная и лингвокультурная интерпретация.

Рассмотрим особенности неформальной оценки незаконного обмана в семантико-когнитивной сфере права. Язык законодательной регламентации судебных процессов в истории русского права содержал номинативные средства косвенного типа, находящиеся в дублетных отношениях: *лукавство, лукавец, лукавствовати; коварство; душевредство, душевредец*. Следует отметить невнимание историков права к особой функции рассмотренных номинаций, по-видимому, вследствие их семантической неопределенности [13. Вып. 6; 14]. Углубленный анализ правовых актов позволил выявить роль данных номинаций в терминологическом фонде русского юридического языка и в юридическом языковом сознании. В своде правовых норм Уложение 1649 г. [12. Т. 1. № 1], императорском указе «Объ отмѣнѣ въ судныхъ дѣлахъ очныхъ ставокъ, о бытїи вмѣсто оныхъ расспросу и розыску, о свидѣтеляхъ, объ отводѣ оныхъ, о присягѣ, о наказанїи лжесвидѣтелей и о пошлинныхъ деньгахъ») 1697 г. [12. Т. 3. № 1572] и ряде других законодательных актов изучаемая группа номинаций функци-

онировала при юридической квалификации группы серьезных правонарушений – сообщения в суде ложных сведений: обращение в суд с неправомерным иском, основанным на сообщении ложной информации, использование ложной информации ответчиком для защиты своих прав, лжесвидетельство в пользу истца или ответчика. Высшей мерой наказания за введение в заблуждение суда была смертная казнь (п. 9, 10 указа № 1572 от 21 февраля 1697 г.). Вопреки ожидаемой строгости, определенности юридической номинации, наблюдаем отношения свободного варьирования и дополнительности между терминологией и косвенными контекстуально-профессиональными номинациями. В ряде случаев наблюдается доминирование неопределенных номинаций – замещение ими терминов. Формальное отличие между косвенными и собственно терминологическими номинациями заключалось в отсутствии или периферийности у первых смы «незаконный / неправомерный», т.е. прямой связи с концептом «закон».

Для сравнения поясним значения юридических терминов, коррелирующих в правовых актах с неформальными номинациями незаконного обмана: *неправда* ‘несправедливость, беззаконие, противозаконный поступок’, ‘ложь’ [14. Вып. 11. С. 238] (восходит к древнему термину *правда* ‘законоустановление’, ‘правовая норма’ [15. С. 82]); *воровство* ‘преступление, противозаконный поступок (мошенничество, кража, разбой, подлог, насилие и т. д.)’ [14. Вып. 3. С. 31]), *воровски* ‘незаконно, мошеннически’, *воровской* ‘незаконный, преступный, мошеннический’ [14. Вып. 3. С. 30], *вор* ‘мошенник, злодей, обманщик’ [14. Вып. 3. С. 28], следует отметить фиксацию семантической эквивалентности *вор* в обыденном значении и *лукавец* в словаре, изданном в XVIII в. [16. Ч. 1. С. 861]; *ябедник* ‘крючкотворец, сутяга; тот, кто ябедничеством, крючкотворством по тяжёлым делам промышляет; который ищет чужое отнять, присвоить кривым толком’ [16. Ч. 6. С. 1019]; *составщик / составник* ‘составитель, сочинитель ложных документов, клеветник’ [14. Вып. 26. С. 211], *составной* ‘поддельный, подложный’ [14. Вып. 26. С. 212]; *лжесвидетель* [14. Вып. 8. С. 227]; *нарядное дело* – от *наряд* ‘подлог, сфабрикованное (против кого-л.) дело, обвинение’ [14. Вып. 10. С. 230], *нарядный* ‘подложный, составленный ложно’ [14. Вып. 10. С. 233]; *поклепный иск* и *поклепное дело* восходят к *поклеп* ‘обвинение без приведения доказательств’, ‘ложное обвинение, клевета’ (известен по Русской Правде в списке XII, XIV вв.) [14. Вып. 16. С. 156–157]. Кроме того, в законодательных актах, кодексах 10–20-х гг. XVIII в. введены дополнительные специальные номинации, сфера применения которых расширялась от судебного процесса к должностным правонарушениям, уголовным преступлениям: *клятвopреступник*, *лгач*, субст. *безчестный*, *нечестные люди* (‘лжесвидетель, -и’), *лживая / фальшивая присяга*, *ложно свидетельствовать / доносить*, *обман* («Краткое изображение Процессовъ или Судебныхъ тяжёбъ» и Артикуль воинскій 1716 г. [12. Т. 5. № 3006]; Генеральный Регламентъ, или Уставъ 1720 г. [12. Т. 6. № 3534]; Регламентъ, или Уставъ Главнаго Магистрата 1721 г. [12. Т. 6. № 3708]). В более древнем законодательстве термином группы «судебный

обман», лексически и деривационно отнесенным к лексеме *ложь*, выражающей логическую оценку явления, был *солгать* в ситуации *бити челом* в Судебнике 1550 г. (ст. 8) [17. Т. 2]. В Уложении 1649 г. к данной группе отнесем: *бить челом ложно, ложное / лживое челобитье, ложные речи, оговорить ложно, лживый обыск, сказать не по правде*. Как видим, значения специальных номинаций конкретны, эксплицитно фиксируют вербальный или предметный обман.

Следует отметить, что не все ресурсы языка лексической группы «ложь, обман» были задействованы в языке права, хотя ряд из не вошедших в терминологическое употребление единиц вполне соответствует критериям специальной номинации. Так, например, лексическая группа «ложь» в древнерусском и старорусском языке содержала исчерпывающий набор номинаций действий, процессов, явлений, субъектов, признаков, относящихся к пропозиции антисоциальной и собственно антиправовой лжи: *лгати, лгание, лгатель / лгач, ложь / лжа, лжец, лжепослушествовати, лжепослушество, лжесвидетельствовати, лжесвидетельство, лжесвидетель, лжесоставник(-щик), лжесоставный, лжесшивание, лживити, лживый, ложный* [14. Вып. 8].

Итак, в активном профессиональном тезаурусе законодателя к XVII–XVIII вв. сложился набор специальных номинативных средств для юридической квалификации феномена судебного обмана. Однако в дополнение к описанному набору использовались неформальные коннотированные номинации. В Уложении 1649 г. *лукавство* – косвенная номинация неправомерного ложного иска, варьирующаяся с терминами *поклепный иск, нарядное / поклепное дело, ложное (лживое) челобитье*, а также с родовым *воровство* и его производными. Например, в п. 179 гл. X с помощью лексемы *лукавство* охарактеризованы неправомерные действия истца, который обращается в суд с малым иском, обвиняя невиновного в грабеже ответчика, а после вынужденного согласия ответчика выплатить компенсацию (во избежание судебных затруднений при тайном сговоре истца с лжесвидетелем и отсутствии своего свидетеля) подает крупный иск в его же адрес. Для номинации ложного иска дважды употреблены обороты с лексемой *лукавство*, в других случаях – термины *поклепный иск, нарядное дело, умыслить воровски*. В п. 182 гл. X оборот *умыслить лукавством* имеет то же значение и не варьируется с узкотерминологическими номинациями. Дублетность прослеживается не только на семантическом, но и на синтаксическом уровне текста: параллелизм конструкций *учинить нарядным делом – учинить лукавством, искать лукавством, умыслить воровски – умыслить лукавством*. Один из способов профессиональной адаптации – словообразовательная корреляция: *искать (лукавством) – иск (поклепный)*.

В императорском указе от 21 февраля 1697 г. «Объ отмѣнѣ въ судныхъ дѣлахъ очныхъ ставокъ...» при регламентации судебных процессов *лукавством* и *коварством* названо неправомерное поведение истцов и ответчиков, умышленно представляющих недостоверные сведения в суде, в том числе использующих подставных свидетелей. При этом контекстуальное

окружение свидетельствует о комплементарной функции лексемы *лукавство* по отношению к собственно юридическим терминам *неправда*, *воровской / составной / ябеднический вымысел*: конструкции *неправда и лукавство*, *отвечать неправдою же составными вымыслы своими и лукавством*, *воровские и ябеднические и составные вымыслы и лукавство*. Такие конструкции отчасти плеонастичны, поскольку все координирующиеся с лексемой *лукавство* термины обозначают обман. Структура данных конструкций отражает универсальность семантики лексемы *лукавство*: родовое значение ‘обман (как правонарушение)’ и видовые значения ‘ложный иск’, ‘клевета’, ‘ложная защита’, ‘лжесвидетельство’. В тексте указа реализована синонимия между *лукавство* и *коварство* (ср. конструкции: *для коварств и неправды нанимать ябедников и составщиков – от истцов и ответчиков бывает многая неправда и лукавство*). Аналогично введение в заблуждение суда истцами и ответчиками (*ябедниками*) обобщенно названо *коварством* в именном указе от 5 ноября 1723 г. «О формѣ суда» [12. Т. 7. № 4344]. Субъектной номинацией к *лукавство* в п. 9 указа от 21 февраля 1697 г. является *лукавец* как обобщенное обозначение истца и ответчика в случае повторного представления ими ложных показаний (*неправды*) под присягой – при крестном целовании в церкви. *Лукавец* в законодательном тексте не варьируется с узкотерминологическим обозначением указанного понятия и фактически компенсирует отсутствие возможных терминов: *клятвopреступник*, *лжец*, *вор*. Сравним с помощью экспериментальной замены: «9. А буде кто къ крестному цѣлованію приступитъ въ неправдѣ, и про то същется, и такому лукавцу за лживое крестное цѣлованіе учинить казнь смертная» – такому клятвopреступнику / лжецу / вору.

Наряду с парой *лукавство – лукавец* употреблялась дублирующая пара *душевредство – душевредец*. В указе 1697 г. использован оборот *ябедники и составщики же воры и душевредцы*, где *душевредец*, как и термин *вор*, – обобщенная номинация по отношению к терминам *ябедник* и *составщик* ‘лжесвидетель’ (находящийся в сговоре с истцом или ответчиком субъект), т.е. обнаруживается комплементарная функция лексемы *душевредец* при универсальности ее семантики. По нашему наблюдению, *душевредец* в законодательной речи – вариант к *лукавец*, поскольку обе номинации относились к субъектам ложных показаний. В этом случае уместными могли быть термины *лжесвидетель*, *лжесоставник(-щик)*, *клятвopреступник*. Сравним с помощью экспериментальной замены: *воры и душевредцы – воры и лжесвидетели / клятвopреступники*. *Душевредство* в п. 179 Уложения 1649 г. применялось для характеристики вынужденного поступка ответчика: отказ от *душевредства* – отказ от оспаривания ложного иска, в ходе которого неизбежна стратегия обмана (привлечение подставных свидетелей, взятки и т.п.). В суде XVII в. даже невиновному ответчику часто было выгоднее откупиться от вымогателя, чем доказывать свою правоту [13. Вып. 6. С. 156]. В этом контексте *душевредство*, как и *лукавство*, *коварство*, – неконкретная номинация обмана в суде, или *неправды*, *воров-*

ства. В п. 8 указа 1697 г. следует обратить внимание на антонимичную пару *правда* – *душевредство* и синонимичную пару *неправда* – *душевредство*, которые выражали правомерное и неправомерное поведение истца и ответчика при крестном целовании. Данная процедура использовалась при отсутствии у суда убедительных доказательств для вынесения приговора [13. Вып. 8. С. 577], т.е. *душевредство* – ‘клятвопреступление’, как и *лукавство*: далее, в п. 9 этого же указа, субъект «лживого крестного целования» обозначен лексемой *лукавец*. Именно в юридической регламентации церковной присяги отражено максимальное сближение правового понятия «судебный обман» и религиозного стереотипа «ложь как грех»: в п. 8 указа оборот *губить душу* метафорически определяет вред лжеприсяги как разрушение духовного мира личности. В национальном языковом сознании XVIII в. *губить душу* – «за преступление заповѣдей Божіихъ осуждену быти на мученіе» [16. Ч. 2. С. 420].

Сопоставление семантических структур *лукавство*, *коварство* и *душевредство*, а также деривационно-лексических коррелятов позволяет увидеть их тесную семантико-когнитивную связь, основанную на родовом семантическом признаке ‘злоумышленный обман’. Глагол *лукавствовать* в терминологическом значении ‘клеветать на кого-л.’ функционировал в древнерусском судебном языке (Русская Правда, список XII, XIV вв.), в старорусском судебном языке ‘мошенничать, плутовать’ (кормчая XVI в.) [14. Вып. 8. С. 300]. Комплексная семантическая структура глагола включала первичные морально и религиозно коннотированные значения обобщенного типа ‘поступать плохо’ и конкретного типа ‘хитрить, проявлять двуличие’, ‘поступать неправедно’ [14. Вып. 8. С. 300]. Лексема *лукавство* в лексикографии описана преимущественно как морально-религиозная – комплекс значений в целом соответствует проанализированному глаголу (‘коварство, зло’, ‘изворотливость, хитрость’, ‘склонность к обману, измене’, ‘неправедность’), выделен правовой оттенок (‘мошенничество, плутовство; обман’) [14. Вып. 8. С. 299]. Обратим внимание на обозначенную морально-религиозную коннотацию у *лукавство* и отсутствие прямой отсылки к правовой сфере в словарях XVIII–XIX вв., отразивших национальное языковое сознание в диахронии: ‘коварство, хитрость, пронырство’ [16. Ч. 3. С. 1328], ‘церк. коварство, хитрость’ [18. Т. 2. С. 267]. Лаконичная словарная характеристика субъектной лексики *лукавец* воспроизводит более простую семантическую структуру, чем у *лукавство* и *лукавствовать*: ‘коварный человек, хитрец’ [14. Вып. 8. С. 297], ‘человек коварный, хитрый, неправдивый’ [16. Ч. 3. С. 1327], ‘коварный, хитрый человек’ [18. Т. 2. С. 267]. Таким образом, в отличие от именной (предметно-процессуальной) и глагольной лексем субъектная лексема, на первый взгляд лишена юридической семантики, однако в одном из словарей к дефиниции дана ссылка на законодательный документ (именной указ 1697 г. «Объ отмѣнѣ въ судныхъ дѣлахъ очныхъ ставокъ...»). Синонимичными к лексической группе «лукавство» были соответствующие компоненты лексической группы «коварство», также имевшие морально-религиозную

коннотацию, например: *коварство* ‘лукавство, пронырство; хитрость’ [16. Ч. 3. С. 677]. Словарно-дефиниционный анализ лексемы *душевредство* показывает ее морально-религиозную коннотированность (‘нанесение душе вреда’), при этом одно из значений соотнесено с областью права (‘плутство, вероломство, ложная клятва’); субъектная лексема *душевредец* дефинирована в первую очередь в юридическом смысле (‘тот, кто дает ложные показания под присягой, лживо клянется, божится’) с приведением ссылки на тот же законодательный документ (указ 1697 г.), что и при дефиниции *лукавец* [14. Вып. 4. С. 388–389]. Ценная для понимания специфики русского языкового сознания в диахронии информация присутствует в словарях, изданных в XVIII–XIX вв.: *душевредство* – ‘вероломство, плутство; нарушение совести’ [16. Ч. 1. С. 919]; ‘нанесение душе вреда’, ‘нарушение совести; вероломство, обман’ [18. Т. 1. С. 380]; *душевредник* – ‘вероломец, нарушитель обязательства в порученном; тот, который против совести поступает’ [16. Ч. 1. С. 918]; ‘поступающий против совести, вероломец’ [18. Т. 1. С. 380].

Таким образом, косвенные морально и религиозно коннотированные номинации *лукавство*, *коварство*, *душевредство* были взаимообусловлены в законодательной речи и использовались для характеристики обмана как неправомерного поведения участников судебного процесса (истцов, ответчиков, подставных свидетелей). В формальном отношении коннотированные номинации избыточны, поскольку сопутствовали ряду юридических терминов с общим значением ‘незаконный обман’: судебный обман квалифицировался как по юридической шкале, так и по морально-религиозной. С одной стороны, немотивированность данного типа номинации маловероятна, поскольку спонтанность, необработанность не характерна для законодательного текста. С другой стороны, неформальная номинация, основанная на оперировании категорией неопределенности, по видимому, была не вполне осознаваемой – традиционной этнической моделью речевого поведения. Мы имеем дело не столько с рациональным приемом номинации, сколько с этнопсихологически обусловленным.

Контекстологический, валентностный анализ и интен-анализ дают основание утверждать, что функционирование неформальных номинаций было органичным в законодательных текстах, с позиции юридического языкового сознания. По нашему предположению, семантическая многослойность и диффузность юридических понятий связаны с диалогической направленностью текстов права: 1) апеллятивной (директивной) функцией – посредством дидактической аргументации в рамках привычной для обыденного языкового сознания этнокультурной системы ценностей; 2) возможностью адресата достраивать образ правового феномена путем его интеграции в неформальную регулятивную систему – национальный нравственный «кодекс». Таким образом, коммуникативным условием неконкретной юридической номинации была актуализация этнокультурного фона, способствующего продуцированию и интерпретации семантически многослойного текста. В этом, на наш взгляд, заключался механизм этно-

культурной самоидентификации юридического языкового сознания нескольких поколений законодателей и правоприменителей.

Лингвокогнитивная и лингвокультурная интерпретация комплекса номинативных средств юридического понятия «обман» позволяет реконструировать ценностные приоритеты юридического языкового сознания как сегмента национального языкового сознания. Корреляция официальных и неофициальных номинаций отражает тенденцию оценивания не только внешней стороны незаконного обмана (обвинение невиновного, искажение фактов, подделка документов и других объектов, наем лгущих свидетелей, судебных представителей), но и психологических механизмов его возникновения и реализации. Номинативный комплекс *лукавство, лукавец, лукавствовати; коварство; душевредство, душевредец* запечатлел облигаторные признаки обмана как аморального поведения, представляющего социальную и правовую опасность. Посредством данных номинаций в правовую сферу вводился образ несправедливого человека, в сознании которого обесценен нравственный «кодекс» добра, правды, справедливости. Эгоистичный тип личности и отсутствие чувства совести лукавца / коварного человека, душевредца являлся одновременно причиной и последствием умышленного причинения вреда другим, а также желания и способности лицемерно формировать свой добропорядочный образ. Данный тип поведения, с позиции нравственного «кодекса», не только опасен для социума, но и разрушителен для самого субъекта, испытывающего духовную деградацию, утрачивающего статус полноценного члена коллектива. Актуальность реконструированного образа в семантико-когнитивной сфере права поддерживалась этнокультурным фоном. Коннотированные номинации играли роль этнокультурных маркеров, выступая вербализаторами этнокультурных концептов, ориентирующих адресата при интерпретации текстов, прежде всего: «(не)правда», «обман», «ложь», «(не)справедливость», «(не)справедливость», «добро» / «зло», «совесть», «душа» [1, 7, 19, 20].

В соответствии с данной этнокультурной парадигмой *лукавство, коварство, душевредство* взаимообусловлены в ряду антиценностей: *лукавство* – криводушие, уклонение от честного пути, нарушение веры, злонамеренность в помыслах и обман в делах, оправдание несправедливых дел и помыслов, в целом воплощение зла [20. Т. 1. С. 419]; *коварство / коварность* – «злонамеренная хитрость и лукавство, готовность на вероломные поступки и злой умысел, прикрытые показной доброжелательностью и дружеской расположенностью» [20. Т. 1. С. 370], *душевредство* как эксплициатор концепта «душа» (бессмертная внутренняя сила, придающая целостность личности в единстве с миром [20. Т. 1. С. 237–238]) предполагает нанесение душе вреда, нарушение совести [16. Ч. 1. С. 919; 18. Т. 1. С. 380]. В комплексе *лукавство, коварство, душевредство* формируют этноконцепт «обман» – «лукавое и нечестное деяние нечестивца, который ради своей выгоды коварно использует доверие ближних и заманивает в ловушку простецов» [20. Т. 1. С. 533] и противостоят этноконцепту «совесть» – «личное со-знание, нравственно оценивающее все проявления

добра и зла в единстве чутья и чувства, души и духа, вызывая со-чувствие и активное со-участие в общем деле», «прирожденное чувство справедливости, правды и чести» [20. Т. 2. С. 286]. Феномен лукавства как отрицательной черты русского национального характера рассмотрен на материале неофициальных сфер (русский перевод Библии, художественные и публицистические тексты «Национального корпуса русского языка»), сделан вывод о семантической трансформации от резко негативного смысла в истории до эвфемистичного в современном дискурсе [21]. На материале русской официальной коммуникации в ретроспективе мы видим соответствующее национальному образу мышления негативное восприятие лукавства и обмана в целом. Образ субъекта незаконного обмана, очевидно, в значительной степени моделировался как антипод к эталону честного человека, «который обладает благородством души, живет по законам совести и правды и не способен на подлость (как бесчестный человек)» [20. Т. 2. С. 488].

Заключение

Итак, этноспецифичные номинации юридического понятия «обман» выполняли апеллятивно-дидактическую функцию, связывая официальное и обыденное языковое правосознание, выступая посредником между ними. Косвенные номинации вносили оттенок неформальности в законодательную речь. Эксплицитная связь коннотированных номинативных средств с концептосферой «закон – право» отсутствовала. Официальная пропозиция «обман как незаконное явление» не была дифференцирована от морально-религиозной пропозиции «обман как аморальное явление» на протяжении длительного периода развития русского права. Этнокультурно маркированные номинации отражали тенденцию официального языкового правосознания детерминировать неправомерное поведение аморальными качествами личности. Семантико-когнитивная диффузность правовых и морально-религиозных понятий могла снижать определенность правовых норм в целом.

Выявленная устойчивая апелляция к этнокультурным концептам неофициальной регулятивной системы в юридической коммуникации подтверждает выдвинутую гипотезу о сходстве и связи официального и обыденного языкового правосознания в ретроспективе. Подтвержденная гипотеза позволяет скорректировать концепцию русского правового нигилизма: вместо антагонизма рассматривать эволюцию диалектических отношений официального и обыденного правосознания в парадигме этнической ментальности.

Исследование имеет перспективу в плане полной реконструкции и анализа динамики этнокультурного субстрата официального языкового правосознания. Результаты данной работы могут найти применение в нескольких направлениях: пополнение и уточнение научных сведений о русской ментальности и языковой картине мира в лингвокультурологии, этнопсихологии; лексикографическая работа по истории языка русского права в

этнокультурном аспекте; дидактико-просветительская работа – издание учебной и научно-популярной литературы по истории отечественного государства и права; социально-культурные проекты в целях развития исторической памяти, уважения к национальным правовым традициям и совершенствования правовой культуры современного общества.

Список источников

1. *Зализняк А.А., Левонтина И.Б., Шмелев А.Д.* Константы и переменные русской языковой картины мира. М. : Языки славянских культур, 2012. 696 с.
2. *Мельникова А.А.* Язык и национальный характер. Взаимосвязь структуры языка и ментальности. СПб. : Речь, 2003. 320 с.
3. *Арутюнова Н.Д.* Неопределенность признака в русском дискурсе // Логический анализ языка. Истина и истинность в культуре и языке. М. : Наука, 1995. С. 182–189.
4. *Шмелев А.Д.* Русский язык и внеязыковая действительность. М. : Языки славянской культуры, 2002. 496 с.
5. *Касьянова К.* О русском национальном характере. М. : Ин-т национальной модели экономики, 1994. 267 с.
6. *Арутюнова Н.Д.* Язык и мир человека. 2-е изд., испр. М. : Языки русской культуры, 1999. 896 с.
7. *Степанов Ю.С.* Константы: Словарь русской культуры. 2-е изд. М. : Академ. Проект, 2001. 990 с.
8. *Колесов В.В.* Русская ментальность в языке и тексте. СПб. : Петерб. востоковедение, 2006. 624 с.
9. *Воркачев С.Г.* Правды ищи: идея справедливости в русской лингвокультуре. Волгоград : Парадигма, 2009. 190 с.
10. *Акишин М.О.* Юридический язык Русского государства конца XV–XVII веков // Genesis: исторические исследования. 2016. № 3. С. 168–187.
11. *Попова Л.В.* Роль заимствований в русском юридическом языке XVIII века // Альманах современной науки и образования. 2007. № 3: Языкознание и литературоведение в синхронии и диахронии и методика преподавания языка и литературы : в 3 ч. Ч. 3 С. 181–182.
12. *Полное собрание законов Российской Империи. Собрание Первое. Съ 1649 по 12 Декабря 1825 года* : в 42 т. СПб., 1830.
13. *Памятники русского права* : в 8 вып. М. : Госюриздат, 1952–1961.
14. *Исаев М.А.* Толковый словарь древнерусских юридических терминов: От договоров с Византией до уставных грамот Московского государства. М. : Спарк, 2001. 119 с.
15. *Словарь русского языка XI–XVII вв.* Вып. 1–30. М. : Наука, 1975–2015.
16. *Словарь Академии Российской* : в 6 ч. СПб., 1789–1794.
17. *Российское законодательство X–XX веков* : в 9 т. М. : Юрид. лит., 1984–1994.
18. *Словарь церковно-славянского и русского языка* : в 4 т. СПб., 1847.
19. *Кобякова Т.И.* Концепты духовности в русской языковой картине мира. Лингвокультурологический словарь. Уфа, 2004 (Тип. ООО Штайм). 158 с.
20. *Колесов В.В., Колесова Д.В., Харитонов А.А.* Словарь русской ментальности : в 2 т. СПб. : Златоуст, 2014.
21. *Воркачев С.Г.* The kinds of lie: лукавство // Политическая лингвистика. 2013. № 4 (46). С. 17–29.

References

1. Zaliznyak, A.A., Levontina, I.B. & Shmelev, A.D. (2012) *Konstanty i peremennye russkoy yazykovoy kartiny mira* [Constants and variables of the Russian language picture of the world]. Moscow: Yazyki slavyanskikh kul'tur.
2. Mel'nikova, A.A. (2003) *Yazyk i natsional'nyy kharakter. Vzaimosvyaz' struktury yazyka i mental'nosti* [Language and national character. The relationship between the structure of language and mentality]. Saint Petersburg: Rech'.
3. Arutyunova, N.D. (1995) Neopredelennost' priznaka v russkom diskurse [Uncertainty of a sign in Russian discourse]. In: Arutyunova, N.D. & Ryabtseva, N.K. (eds) *Logicheskyy analiz yazyka. Istina i istinnost' v kul'ture i yazyke* [Logical Analysis of Language. Truth and truthfulness in culture and language]. Moscow: Nauka. pp. 182–189.
4. Shmelev, A.D. (2002) *Russkiy yazyk i vneyazykovaya deystvitel'nost'* [Russian language and extralinguistic reality]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury.
5. Kas'yanova, K. (1994) *O russkom natsional'nom kharaktere* [About the Russian National Character]. Moscow: In-t natsional'noy modeli ekonomiki.
6. Arutyunova, N.D. (1999) *Yazyk i mir cheloveka* [Language and the Human World]. 2nd ed. Moscow: Yazyki russkoy kul'tury.
7. Stepanov, Yu.S. (2001) *Konstanty: Slovar' russkoy kul'tury* [Constants: Dictionary of Russian Culture]. 2nd ed. Moscow: Akademicheskyy Proekt.
8. Kolesov, V.V. (2006) *Russkaya mental'nost' v yazyke i tekste* [Russian mentality in language and text]. Saint Petersburg: Peterburgskoe vostokovedenie.
9. Vorkachev, S.G. (2009) *Pravdy ishchi: ideya spravedlivosti v russkoy lingvokul'ture* [Look for the Truth: The idea of justice in Russian linguistic culture]. Volgograd: Paradigma.
10. Akishin, M.O. (2016) Yuridicheskyy yazyk Russkogo gosudarstva kontsa XV–XVII vekov [The legal language of the Russian state at the end of the 15th–17th centuries]. *Genesis: istoricheskie issledovaniya*. 3. pp. 168–187.
11. Popova, L.V. (2007) Rol' zaimstvovaniy v russkom yuridicheskom yazyke XVIII veka [The role of borrowings in the Russian legal language of the 18th century]. *Al'manakh sovremennoy nauki i obrazovaniya*. 3. Part 3. pp. 181–182.
12. Speranskiy, M.M. (ed.) (1830) *Polnoe sobranie zakonov" Rossiyskoy Imperii. Sobranie Pervoe. S" 1649 po 12 Dekabrya 1825 goda* [Complete collection of laws of the Russian Empire. Collection One. From 1649 to December 12, 1825]. Saint Petersburg: V tipografii Vtorogo otdeleniya Sobstvennoy Ego Imperatorskogo Velichestva kantselyarii.
13. Sofronenko, K.A. (ed.) (1952–1961) *Pamyatniki russkogo prava* [Monuments of Russian law]. Moscow: Gos. izd-vo yurid. lit.
14. Isaev, M.A. (2001) *Tolkovyy slovar' drevnerusskikh yuridicheskikh terminov: Ot dogovorov s Vizantiyey do ustavnykh gramot Moskovskogo gosudarstva* [Explanatory Dictionary of Old Russian Legal Terms: From Treaties with Byzantium to Statutory Letters of the Moscow State]. Moscow: Spark.
15. Krivko, R.N. (ed.) (1975–2015) *Slovar' russkogo yazyka XI–XVII vv.* [Dictionary of the Russian Language of the 11th–17th centuries]. Vols 1–30. Moscow: Nauka.
16. Russian Academy. (1789–1794) *Slovar' Akademii Rossiyskoy* [Dictionary of the Russian Academy]. Saint Petersburg: Imperial Academy of Sciences.
17. Chistyakova, O.I. (ed.) (1984–1994) *Rossiyskoe zakonodatel'stvo X–XX vekov* [Russian Legislation of the 10th–20th centuries]. Moscow: Yuridicheskaya literatura.
18. Imperial Academy of Sciences. (1847) *Slovar' tserkovno-slavyanskago i russkago yazyka* [Dictionary of Church Slavonic and Russian]. Saint Petersburg: Imperial Academy of Sciences.
19. Kobyakova, T.I. (2004) *Kontsepty dukhovnosti v russkoy yazykovoy kartine mira. Lingvokul'turologicheskyy slovar'* [Concepts of Spirituality in the Russian Language picture of the world. Linguistic and cultural dictionary]. Ufa: Tip. OOO Shtaym.

20. Kolesov, V.V., Kolesova, D.V. & Kharitonov, A.A. (2014) *Slovar' russkoy mental'nosti* [Dictionary of Russian Mentality]. Saint Petersburg: Zlatoust.

21. Vorkachev, S.G. (2013) The kinds of lie: slyness. *Politicheskaya lingvistika – Political Linguistics*. 4 (46). pp. 17–29. (In Russian).

Информация об авторе:

Попова Л.В. – канд. филол. наук, доцент кафедры филологии Миасского филиала ФГБОУ ВО «Челябинский государственный университет» (Миасс, Россия). E-mail: mila_fil@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

L.V. Popova, Cand. Sci. (Philology), associate professor, Miass Branch of Chelyabinsk State University (Miass, Russian Federation). E-mail: mila_fil@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 29.01.2021;
одобрена после рецензирования 23.01.2022; принята к публикации 09.04.2022.*

*The article was submitted 29.01.2021;
approved after reviewing 23.01.2022; accepted for publication 09.04.2022*